

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Конец октября, через пару часов начнется ноябрь, на стыке времен года ветер дует особенно пронзительно. И тревожно. За последние несколько дней ни одного убийства. Для столь спокойного города, как Волговодск, это как минимум подозрительно. Как бы чего не случилось. Максим внутренне поежился, глянув на часы. В машине тепло, а на душе не то чтобы зябко, но температура там точно не комфортная. А еще обидно. За своего напарника. Должность начальника уголовного розыска поставили на «орла», а ему выпала «решка». И Максим на освободившуюся вакансию претендовал, и Стасов. Начальник подполковник Артем Малахов даже не знал, кто более достоин. Он мог принять волевое решение, но Стасов сам предложил жребий. Сам же и проиграл. Сидит, молчит, невесело о чем-то думает, возможно, обижается. А может,

и нет. Он всегда такой, спокойный, молчаливый, рассудительный. Иногда кажется, что себе на уме. Но так только кажется, на самом деле он нормальный, свой в доску парень.

Они уже подъезжали к дому, когда на телефоне заиграла мелодия. «Наша служба и опасна, и трудна». Судя по рингтону, звонил начальник.

— Макс, ты сейчас где? — спросил Малахов.

И тон у него такой же боевой, как и рингтон, Максим с нехорошим предчувствием глянул на засыпающего Стасова.

— Да уже пирожками пахнет. С мясом. Люба где-то рядом.

— Пирожки с мясом — плохая примета.

— Да я это уже понял, — вздохнул Максим.

— Улица Волжская, дом сто тридцать восьмой, тут рядом.

— Пирожки с мясом?

— Один... Э-э, работай давай!

Название улицы Волжская говорило само за себя, она тянулась по берегу реки: ближе к центру города — многоэтажная застройка, на окраине — частный сектор. Потерпевший жил даже не на окраине, а за чертой города, но в доме, выходящем на реку.

Откатные ворота нараспашку, но Максим заезжать во двор не стал. Только они с Егором вышли из машины, появилась хозяйка дома, не очень молодая, но довольно-таки красивая женщина. Волосы растрепаны, лицо заплаканное, тушь под глазами размазана, но все равно она выглядела до-

вольно эффектно. Худенькая, длинноногая, легкое пальто смотрелось на ней как выставочный образец на манекене в бутике фирменной одежды. Максим просто обязан обращать внимание на все, даже на мелочи... А это не мелочи! Тем более что женщина вышла к ним не со двора, а со стороны улицы.

Над воротами дома ярко горел фонарь, на свет женщина вышла из темноты.

— Вы кто? — встревоженно спросила она.

Наверняка Малахов отправил к месту происшествия наряд и участкового, но Максим все же прибыл первым. Но ради этого им, увы, пришлось принести в жертву ужин, а там не только пирожки, Люба еще и жаркое обещала. К стаканчику домашнего вина. А то и к двум...

— Капитан Павлов, уголовный розыск!

— А вы, простите, кто будете? — Стасов с нескрываемым интересом смотрел на женщину.

— Я вас вызывала! — показывая на дом, сказала та.

— А там что делали? — Стасов кивнул в темноту.

Улица в этом районе застраивалась новыми домами, но фонарей хватало, почти везде светло. И только за домом потерпевшего почему-то темно. А улица на сто тридцать восьмом доме не заканчивалась.

— Что делала... «Вольво» наш там! — Всхлипнув, она приложила пальцы к глазам. — Убийцы его бросили!

— Убийцы? — Павлов и Стасов переглянулись.

— Я захожу в дом, а там Юра, весь в крови, слышу, машина выезжает со двора. Ворота открылись, машина выехала... Я потом за ними пошла...

— Юра — ваш муж?

— Муж... Трутов Юрий Константинович, я говорила... Я думала, он живой, а он умер! — Женщина всхлипнула и, не в силах сдержать слезы, зарыдала.

На дороге со стороны города замелькали проблесковые маячки синего цвета Максим решил, что это патрульно-постовая служба на подходе, но к дому подъехала машина «Скорой помощи».

— «Скорую» вы вызывали? — спросил Стасов.

— Да, вызывала.

— Вы же сказали, что муж умер.

— А вдруг? — снова разрыдалась женщина.

Максим оставил Стасова с ней, а сам, взяв с собой только врача, прошел во двор.

Дом солидный, двухэтажный, терраса, мезонин, встроенный гараж. Дорога от ворот раздваивалась, одна «ветка» вела к гаражу, другая шла к площадке перед крыльцом. У входа в дом стоял паркетник «Инфинити» белого цвета.

Максим осторожно прошел в дом. Потерпевшего он увидел с порога, тело лежало посреди холла. Голова разбита, лицо в крови, рука безжизненно откинута. Вряд ли человек жив. Но в любом случае действовать нужно осторожно. Совершено особо тяжкое преступление, будет работать группа, а следователи ох как не любят, когда затаптыва-

ются следы. Максим и сам надел бахилы, и врача обязал.

Впрочем, в медицинской помощи потерпевший не нуждался, врач всего лишь констатировал смерть. Максим попросил его покинуть место происшествия, связался с Малаховым, подтвердил заявление гражданки Трутовой. Впрочем, следственно-оперативная группа уже и без того собиралась на выезд, оперативники, можно сказать, уже прибыли на место убийства. Как чувствовал Максим, что так просто этот месяц не закончится.

Трутова жестоко избили, удары в основном наносились по голове. А били чем-то твердым и тяжелым, скорее всего металлическим. Били наотмашь, вокруг все должно было летать и падать, а в холле полный порядок, подушки на диване все на местах, торшер с кованой стойкой не перевернут. Даже ковер, на котором лежало тело, и тот не смят. И только кровь под головой, причем натекло совсем чуть-чуть, ковер слегка испачкался.

Максим осторожно заглянул в каминный зал. А там полный разгром. Ковер смят, одно кресло сдвинуто к барному шкафу, другое перевернуто, кожаная обшивка на подлокотнике пробита чем-то острым. Два столика в комнате, один круглый чайный между креслами, другой журнальный, чуть большего размера, — перед диваном. Чайный столик перевернут, журнальный, видимо ударом, вплотную придвинут к дивану. На том же диване ваза с цветами, видимо, переместилась со столика. Ваза упала, но вода из нее не выливалась за отсут-

ствием таковой. Цветы-то неживые. Стекло в дверце барного шкафа разбито, осколки на паркете, часть на ковре. Даже люстре досталось, один из четырех кубических плафонов снесен вместе с лампочкой, от которой остались осколки в цоколе. На каминной полке в строгом порядке красовались две стеклянные колбы с большими свечами в них, одна не удержалась, упала и разбилась, другая устояла. Там же, у камина, стояла кованая дровница с каминным набором. Но из четырех предметов Максим увидел только два, каминные щипцы висели на одном крючке, щетка на длинной кованой ручке, на другом. Ни совка, ни кочерги. Может быть, их унесли с собой преступники. Но зачем?

Дровница стояла криво, возможно, ее сдвинули с места, но не перевернули. Слишком тяжелая она, так просто ее не опрокинуть. И щипцы из толстых кованных прутьев, и щетка внушительного вида. Кочерга и совок, очевидно, тоже немаленькие и в данном случае явились идеальными орудиями убийства. Скорее всего, этими предметами из каминного набора Трутова и забили до смерти.

Максим в каминный зал не заходил, от двери окинул взглядом комнату — по часовой стрелке, как учили. Справа голая стена с картинами в рамках, у дальней стены камин, напротив двери высокие окна с красивыми шторами. У четвертой стены барный шкаф. Диван стоял спинкой к окну, напротив него кресла. Зал просторный, отделка и обстановка в едином стиле — этакого комфортабельного охотничьего домика в тонах красного дерева. Голова ко-

сули над камином вписывалась в дизайн если неидеально, то близко к тому. Чучело на месте, рога тоже.

Павлов мог только предполагать, как развивались события. Справа от входа, перед барным шкафом, находилась арка, соединяющая каминный зал с обеденной зоной, стол там на шесть-восемь персон, шкаф с посудой, дальше шел поворот на кухню, попасть в которую можно было и через холл. Следов застолья Максим не обнаружил ни в одном из трех смежных помещений. Значит, драка между собутыльниками отпадала. Возможно, потерпевший только что пришел домой, на это указывала его одежда — синий костюм, белая рубашка без галстука. На ноге одна домашняя тапка, вторая валялась в каминном зале.

Возможно, Трутов вернулся домой не один, с кем-то, возможно, из своих друзей. Но вспыхнула ссора, завязалась драка, в ход пошла кочерга. Вполне реальное развитие событий. Но почему тогда тело перекочевало из одного помещения в другое? Возможно, преступник решил избавиться от трупа, вывезти его куда-нибудь за город. И где-нибудь закопать. Например, с помощью каминного совка. Но тело на пол в холле опустили аккуратно, ковер нигде не смят и лежал ровно. Значит, тело несли, а не волокли. А если несли, то это уже как минимум два человека.

Убийство совершено недавно, кровь еще теплая — можно предположить, что преступников кто-то испугнул. Павлов посмотрел на окно холла,

которое выходило прямо на ворота. Шторы раздвинуты. Жена Трутова подъехала, фары ее машины могли если не ослепить, то всполошить убийц.

Максим окинул взглядом холл со стороны входной двери. Налево — каминный зал, прямо — вход на кухню, чуть правее — лестница на второй этаж, направо — дверь, по-видимому в гараж. Скорее всего, именно туда преступники и собирались отнести тело и погрузить его в багажник хозяйской машины. Если так, то именно этой дорогой они и ушли. Но без трупа. Спустились в гараж, сели в машину и тю-тю. Пока вдова новопреставленного пребывала в шоке, они уехали — и одни ворота открыли, и другие. Но если у них имелся пульт дистанционного управления, если они смогли запросто открыть ворота, почему они не забрали труп?

В принципе, жена покойного могла поднять тревогу, что она, в общем-то, и сделала, преступников могли остановить в дороге, а у них труп в багажнике, перспектива, мягко говоря, не очень. К тому же преступники действовали грубо, наследили они здорово, криминалисты снимут богатый урожай улик. Труп вывезти можно, а от следов избавиться очень трудно, нужно много времени и кропотливого труда. Тем более что пролилась кровь, наличие которой усиливает и консервирует запах преступника. Но тут возникает вопрос, понимали ли все это убийцы. Если они действовали спонтанно, то вряд ли. А если это заказное убийство, если работали профессионалы? Если да, то преступники знали, как работают криминалисты, какая у них техника,

какие возможности. Может, потому и отказались от идеи увезти труп с собой.

Но профи, как правило, работают тихо, а здесь как будто Мамай прошел. Может, все-таки друзья Трутова постарались. Или просто знакомые. Может, коллеги по работе.

Максим задумался, вспомнил о машине, которую обнаружила вдова потерпевшего. Она говорила о «Вольво» мужа, который нашла неподалеку от дома. А почему она могла обнаружить машину? Уж не потому ли, что преступники пересели из чужой машины в свою? Если так, почему их автомобиль находился в относительном отдалении от дома? Друзья, знакомые заехали бы во двор...

Максим не бродил по комнатам в поисках следов, перемещался только по холлу, в каминный зал заглянул, а через него в столовую. Даже в гараж не заходил. Сейчас подъедут следователи, криминалисты возьмутся за работу, нельзя затаптывать следы. Нужно как можно скорее покинуть дом. И все же любопытство заставило его еще раз заглянуть в каминный зал.

Он тоже знал, как работает следственно-оперативная группа. Микрочастицы следов снимаются со всего: пылевые с ковра, с кафельной плитки, паркета — электростатическим и химическими методами, на вооружении у эксперта есть специальное устройство, Максим точно это знал. Потожировые выделения — это отдельная история. Криминалист может снять отпечатки пальцев, а потом даже сможет выделить из них генотип предполагаемого

преступника, а затем и ДНК — для последующей экспертизы. Разумеется, все очень сложно, но криминалистическая лаборатория в отделе оснащена превосходно, случай помог. Целая череда нехороших случаев, которая, надо сказать, повлияла на судьбу самого Максима.

Отпечатки пальцев снимаются только с гладких поверхностей, многие в это верят. А Максим знал, что «пальчики» можно снять практически с любой поверхности, с одежды, с листьев, даже с рифленой рукояти пистолета, достаточно поместить исследуемую поверхность в цианоакрилатовую камеру, в лаборатории такая есть. Даже следы запахов можно изъять с помощью стерильной фланели, наложив материал на подозрительный предмет, или просто сделать забор молекул воздуха обычным шприцем из медицинской аптечки.

Убийцы наверняка наследили, но криминалистам нужна примерная картина преступления: как действовали злоумышленники, откуда они появились, где находились перед нападением. Тут им на помощь придет собственный ум, следовательно что-то подскажет, работа пойдет и без участия Максима. Но картина преступления нужна и ему самому. Его дело — разыскивать преступников, и чем скорее он начнет работать, тем лучше. А экспертиза, результаты и заключение — дело долгое, пока дождешься...

А картина преступления пока размытая. Все еще не ясно, кто убил Трутова, случайные люди или профессионалы. Хозяин дома человек небедный, у него могли быть влиятельные враги.

Максим внимательно осматривал комнату, обращая внимание на каждую мелочь, но в помещение не заходил. Пока под креслом в свете полуразбитой люстры не блеснул некий красный предмет. Это мог быть окровавленный осколок стекла, вещь, представляющая безусловную ценность для экспертов. Оперу такой осколок без их заключения ничего не даст. И все же Максим зашел в комнату, осторожно сдвинул кресло. И увидел золотой кулон с крупным рубином на разорванной цепочке. Украшение женское, потерпевший носить его не мог, значит, принадлежало оно кому-то из нападавших. Или просто свидетелей.

Максим не стал подбирать кулон, навел на него смартфон, несколько раз сфотографировал и только тогда вышел во двор. А там и подъехавший наряд, и жена Трутова под опекой Стасова. Она что-то бормотала вне себя от горя, а он ее внимательно слушал. И подставлял свою руку, за которую она держалась. Как будто мужа хоронила, стояла перед гробом, не в состоянии держаться на ногах. Но понять ее, конечно, можно. Мужа убили, врач констатировал его смерть, и нет никаких надежд на чудесное воскрешение.

— Простите, как я могу к вам обращаться? — спросил Максим, глядя на женщину.

Ей понадобилось время, чтобы перезагрузить свое сознание и переключиться на него. Немного не в себе женщина, и это видно. Возможно, она нарочно подчеркивает глубину своих переживаний.

— Альбина... Альбина Сергеевна Трутова, — наконец сказала женщина.

— Что вы можете сказать по поводу случившегося?

— Что я могу сказать... Приехала, захожу в дом, а там...

— Откуда вы приехали?

— Из Астрахани. В санатории была.

— Отдыхали?

— Соляные пещеры, целебные ванны, здоровье поправляла.

— Муж знал, что вы сегодня приезжаете?

— Если честно, сегодня он меня не ждал.

— А вы взяли да приехали!

Максим хотел было спросить, звонила ли Альбина Сергеевна мужу перед приездом, как поступают порядочные жены перед возвращением из командировок или с курорта, но воздержался. А звонят, чтобы предупредить о своем приезде и не нарваться на любовницу. Все-таки горе у женщины. Но скользкой темы избежать вряд ли удастся.

— Так вышло.

— Муж не ожидал вашего возвращения?

— Нет, а что?

— Вы звонили ему, спрашивали, чем он собирается сегодня заняться?

— Ну чем он занимался, на работе сегодня был...

— А где он работает?

— На комбинате, в профкоме... Председатель профкома.

— Председатель? — наматывая на ус, усмехнулся Максим.

Профкомы на фосфорном и горно-обогатительных комбинатах — вотчина местной криминальной мафии. Посредством профсоюзов Борщевик держал за причинные места владельцев этих крупных, градообразующих предприятий. Когда-то он поднимал на бунт зоны, а сейчас мог устроить забастовку рабочих, а это простой предприятий, финансовые и репутационные потери. И чтобы комбинаты работали бесперебойно, их владельцам приходилось раскошелиться. Вроде как Борщевик брал немного, но кто его знает, как там на самом деле...

— Юра на работе сегодня был, — сказала Трутова.

— Я так понимаю, он совсем недавно вернулся, — предположил Максим, глядя на видеокамеру на опорном столбе ворот.

— Не знаю. Ничего не знаю.

— Я вижу, камеры у вас есть.

— Обманка, — покачал головой Стасов.

— Ну, не то чтобы обманка... — начала, но, махнув рукой, остановилась Альбина.

— Камеры рабочие, просто не подключены, — глянув на нее, сообщил Стасов. — Дом строили, не позаботились, проводку не сделали. А тянуть провода поверх отремонтированных стен не захотели...

— А через вай-фай? — спросил Павлов.

— Не работает ничего, — с пониманием глянув на него, качнул головой Стасов.

— А преступники это знали? — спросил Максим.

— Надо бы глянуть, может, дернули какой-то компьютер... Компьютер у вас должен быть? — сказал Стасов, обращаясь к Трутовой.

— Да, ноутбук в кабинете у мужа, — сказала она.

Максим кивнул. Камеры видеонаблюдения могли замыкаться как на специальный системный блок, так и на обычный компьютер. Преступники могли унести с собой как то, так и другое. Как унесли орудия преступления... Но в то же время труп они не увезли, не успели. Может, и про компьютер не подумали. Может, и не знали о существовании камер. Не обратили внимания, когда вместе с Трутовым заезжали к нему домой.

На всякий случай Максим зашел в дом, поднялся на второй этаж, заглянул в кабинет, где должен был находиться компьютер, но увидел там только пустой стол. Колонки на нем стояли, наушники, роутер, принтер — и все это, судя по положению проводов, отсоединили от компьютера, от которого осталось только пустое место. Стол слегка запылен, а на том месте, где он стоял, чисто.

Павлов пожал плечами. Странно как-то получается. Тело преступники бросили, когда до машины оставалось всего ничего, а компьютер забрали, хотя для этого нужно было подняться на второй этаж.

Максим вышел из дома и увидел следователя Планидкина, невысокого плотного мужчину с живым взглядом на апатичном лице. Вслед за ним шел другой следователь, но уже с приставкой «криминалист». И эксперты здесь как от криминалисти-

ки, так и от судебной медицины. Вместе с группой прибыл и подполковник Малахов, глыба из плоти и крови, утяжеленная железной волей. Выражение лица суровое, даже жесткое, а взгляд спокойный, добродушный. Но расслабленности в этом взгляде ни на грамм. И усталости тоже. Спокойная вдумчивая сосредоточенность, слегка приправленная иронией.

Следователи и криминалисты прошли в дом, а Малахов остался.

— Ну что? — обращаясь к Максиму, спросил он.

Стасов правильно все понял и отвел Трутову в сторонку.

— Да как-то непонятно все. С одной стороны, возможно, бытовуха. Но с другой — есть признаки заказного убийства.

— Например?

— Убитый — председатель профкома на фосфорном комбинате.

— Интересно.

— Признаки заказного убийства. Признаки бытового убийства. И признаки «шерше ля фам», — усмехнулся Максим, доставая из кармана смартфон.

Он вывел на экран изображение кулона, подошел к Трутовой и показал ей.

— Вам знакома эта безделица? — спросил он.

— У меня такой нет, — не задумываясь, мотнула головой женщина.

— Дай-ка! — Малахов взял у Павлова смартфон, глянул на кулон.

— Откуда это? — спросил он.

— Так на месте преступления нашел. Братъ не стал, сами понимаете.

— Понимаю. Очень хорошо понимаю, — думая о чем-то своем, довольно-таки рассеянно проговорил Малахов.

— Возможно, на месте убийства присутствовала женщина.

— Шерше ля фам?

— Возможно, Трутов был с друзьями, возможно, не поделили женщину, возникла драка. Его убили, тело хотели вывезти, но подъехала жена, преступники скрылись на его же машине. Из гаража выехали.

— И женщина с ними?

— Не знаю. Как-то странно все получается. Если друзья, если женщина, значит, они на своей машине должны были приехать и оставить ее во дворе. А если они приехали на машине Трутова, то, на ней же и уехав, не стали бы бросать ее рядом с домом. А они бросили. Машина стоит где-то неподалеку. Я думаю, преступники пересели с одной машины на другую. Которая стояла там же, где-то неподалеку.

— А если просто решили продолжить путь пешком?

— Не знаю, я бы куда-нибудь подальше заехал.

— А машину они бросили?

— Да.

— А чего тогда стоим? Где кинолог? Где собака?

Кинолог находился в микроавтобусе, сыскная собака только ждала команды. И она ее получи-

ла. Ее подвели к машине Трутова, дали обнюхать салон, и она сразу же взяла след. Но очень скоро остановилась. След исчез. Преступники уехали на автомобиле.

— Все-таки была машина, все-таки была пересадка.

— Машину закрыть, взять под охрану, место оцепить, как только эксперты освободятся, направить их сюда, — распорядился Малахов, пальцем очертив круг, в пределах которого могла находиться уехавшая машина.

— Понял, — кивнул Максим.

— Что ты понял? Машину охранять будешь? Следы от колес?

— Со свидетелями работать смысла нет, — пожал плечами Максим.

Он выказывал готовность работать где скажут, а Малахов требовал от него инициативы. Как будто ничего не понимал.

— Почему?

— Если преступники заехали во двор на машине, кто их видел? Камеры не работают... Ну, если только они проникли во двор незаметно.

Павлов глянул на дорогу в месте, где предположительно стоял автомобиль преступников. Убийцы могли стартовать отсюда, место здесь темное, вдоль заборов вообще ничего не видно, хоть глаз выколи, собак не слышно. Они спокойно могли подобраться к дому Трутова, перебраться через забор.

— Гюльчатай, ты куда, Гюльчатай? — заговорил вдруг кинолог.

Сидевшая на задних лапах собака вдруг пришла в движение и по дорожке вдоль забора повела его к дому Трутова. Видимо, след взяла.

С каждым шагом Гюльчатая набирала ход, в открытые ворота она вбегала, кинолог едва поспевал за ней. Собака подбежала к гаражу и заскребла под закрытыми воротами, будто собираясь устроить подкоп.

— И что это значит? — спросил Стасов.

— Может, преступники через гараж в дом проникли? — косо глянув на Малахова, предположил Максим.

Он ведь не дурак и даже знал женщину, любительницу рубинов и таких же дорогих красных машин. А Малахов знал Еву Лазареву еще лучше. Еву, родную сестру братьев Лазаревых, один из которых владел фосфорным, а другой горно-обогачительным комбинатом. И еще эта женщина любила интересных мужчин. И даже замешана была в одном убийстве, когда переспавший с ней мужчина убил свою ревнивую жену. В том деле, кстати, также фигурировали рубины, целое кольцо...

Уж не о Еве ли подумал Малахов, увидев кулон с рубином. Трутов был связан с комбинатом напрямую, Ева постольку-поскольку, может, и пересеклись где-то их пути-дорожки, слившись в один путь, который и привел их в дом на улицу Волжская. Малахов мог думать о ком угодно, это его право, но зачем подчиненным-то грубить? Максим всего лишь хотел показать, что готов выполнить любой его приказ, а он чуть ли не на смех его поднял. Как будто он какой-то ни на что не годный тюфяк.

— Через гараж? — Малахов с интересом глянул на него.

— Ворота откатные, пока они закрывались за Трутовым, преступники могли проникнуть во двор. — Максим смотрел на пышный куст, который рос прямо у ворот.

Листва уже облетела, но освещение в районе куста не самое яркое, преступники вполне могли спрятаться за ним. А до гаража от этого места рукой подать. Одна короткая перебежка, и там.

— А как они попали в гараж? — спросил Малахов, измеряя расстояние от куста.

Он и сам искал ответ на свой вопрос.

— Предположим, Трутов был с женщиной...

— Предположим.

— А камера вдруг работает... Или соседи могут увидеть. — Максим глянул на дом, крыша которого виднелась за забором. — Он мог завезти женщину в гараж, не останавливаясь во дворе. И уже оттуда в дом. А прямой вход из гаража есть... Должен быть.

Максим задумался. А вдруг дверь у лестницы вела не в гараж, а, например, в подвал? Далеко не всегда встроенный гараж сообщается с домом напрямую.

— Может быть, — кивнул Малахов.

— А ворота в гараж опускаются медленно.

— Думаешь, преступник мог проникнуть в гараж «на плечах»?

— А вдруг?.. Вдруг он изначально планировал Трутова убить? Сразу. В гараже.

— А почему не убил? — спросил Малахов.

И сам же себе, кажется, ответил. Но молча, чтобы не выдать одну хорошо ему знакомую женщину. И не поставить себя в глупое положение.

Глава 2

Небожители, даже если они местного разлива, должны жить на верхнем этаже самого высокого здания. Так думала Ева или нет, но ее апартаменты находились в самой верхней точке города. Но подполковник Малахов эту ее гордость за себя не разделял, на ум почему-то приходила фраза: «Наша дура выше всех». И не просто дура, а на букву «б». То с одним, то с другим, теперь вот с третьим. Или с четвертым, если подполковника Малахова считать третьим. Как ни крути, а он у нее в обойме. Он-то из нее вроде как выпал, но место в списке осталось. Был он с Евой, не смог пересилить себя. Красивая она: и сладкая изюминка в ней, и перчинка, и одно не портит другое, как раз наоборот.

К Еве Артем отправился как был, в форме. Охранник в подъезде узнал его, подтянулся и без слов пропустил к лифтам. А их там три, два общих и один персональный — с транзитной доставкой в четырехэтажный пентхаус. Не так давно Артем получил допуск на первый этаж, для этого ему достаточно приложить палец к сканеру. Но Ева могла уже вычеркнуть его из списка избранных, тогда он сейчас на глазах у охранника потерпит фиаско.

Но нет, лифт пришел в движение, спустился к нему, поднял его на четвертый этаж пентхауса,

который представлял собой своего рода досугово-развлекательный комплекс для своих. И кафе здесь с баром, и кинотеатр, и тренажерный зал. На третий и выше этаж Артем подняться уже не мог.

Со стороны подъезда створки лифта обычные, выход на верхнем этаже находился в другой стороне, там уже стеклянные дверцы. Створки еще не распахнулись, а Артем уже видел Лику, телохранительницу Евы, симпатичную девушку с неподвижным, как у куклы, лицом и спортивной фигурой. На Артема она смотрела с непроницаемым выражением лица, хотя обычно оживала при его появлении. Он поздоровался с ней кивком.

— Ева где?

Впрочем, Лика могла не отвечать. Артем сам увидел Еву, она поднималась из-за столика своего домашнего кафе. Черты лица у нее тонкие, красота утонченная, фигура стройная. Она только с виду кажется нежной, хрупкой и беззащитной, на самом деле она могла за себя постоять. Да и защитников у нее хватало.

Костюм на ней стильный, светло-красного цвета, не офисный, скорее для ночного клуба, юбка не мини, но короткая. Блейзер с глубоким вырезом, всего на двух пуговицах, а под ним ничего, даже кулона с рубином. В доме Трутова кулон остался. А сережки на месте, в ушах. Из того же гарнитура сережки, что и кулон. И браслет с рубинами на запястье.

Ева мягко улыбнулась, чуть ли не влюбленно, глядя на Артема. Что-что, а очаровывать она умела.

И в постели горячая штучка. А на следующий день может остыть и даже не узнать. Но разогреть ее нетрудно... Избалованная она девушка. Тридцать два года Еве, и замужем она успела побывать, но называть ее женщиной язык не поворачивался, слишком уж она молодо и свежо выглядела.

— Артем! — Она подошла к Малахову, нежно провела рукой по его плечу.

И замерла в ожидании: вдруг он поцелует ее хотя бы в щеку. Но Артем целовать ее не стал, и она как будто разочарованно глянула на пожилую женщину, которая сидела за столиком кафе.

Артем не просто так получил назначение в Волговодск. За два последних года в городе сменились три начальника отдела МВД. Все трое погибли — один застрелился, другой отравился алкоголем, у третьего случилась острая аллергическая реакция, а рядом никого не оказалось, в итоге смерть. В совпадения никто не верил, работала группа из Москвы, но следов насильственной смерти не обнаружила. Или действительно самоубийство и несчастный случай, или работал профессионал. Так или иначе, на должность начальника ОМВД желающих не нашлось, а вот подполковник Малахов отказываться не стал.

Артем принял должность, а очень скоро узнал, кто стоял за гибелью одного из его предшественников. Полковник Земский встречался с Евой, но в один прекрасный момент взялся за ум, вернулся к жене. И спустя какое-то время после этого застрелился.

Все бы ничего, но не так давно Ева завела интрижку с мужем своей одноклассницы. Тимур Козов растрепал всем, кому только можно, что переспал с самой Евой Лазаревой, и этим очень ее обидел. Заступился за нее бывший телохранитель. Антон Горбин собирался убить Козоева, но не успел. Им заинтересовался Борщевик и этим подписал ему смертный приговор. Сам по себе действовал Горбин или Ева его попросила наказать Козоева, эту тайну скрывала могила. Ева, конечно, все отрицала. И от Земского она открестилась если его убил Горбин, то без ее благословения. А кто убил подполковника, сменившего на посту Земского, она понятия не имела. А ведь Хохлатов подозревал ее, пытался докопаться до правды, может, за это и поплатился. Но все это лишь догадки, доказательств нет, предъявлять Еве обвинение бесполезно. Да он и не пытался. Артем всего лишь отказался от нее. Узнав недоказанную правду, он ушел от Евы. Бросил ее, можно сказать... И ничего, жив до сих пор. А ведь она могла бы найти киллера по его душу. Если бы очень захотела.

— Ну не виновата я ни в чем! — Ева посмотрела на него глазами маленькой девочки, которую оставили без сладкого.

Артем же смотрел на женщину, которая подходила к ним. Немолодая уже, явно за шестьдесят. Не молодая, но и не старая, не худая, но и не толстая, аккуратная прическа, спокойный макияж, сережки в ушах скромные, платье и кофта поверх него новые, но не очень дорогие. Лицо если и подправле-

но ботоксом, то лишь слегка, ну, может, губы чуть подкачаны, чтобы старость их совсем не «съела». В общем, самая обыкновенная женщина, следящая за собой, но не гоняющаяся за модой и восхищением публики. Для своих шестидесяти она выглядела хорошо. Но выглядела именно на шестьдесят, ни больше ни меньше.

Женщина смотрела на Артема, как будто хотела что-то сказать, но не решалась.

— А это моя мама! — будто спохватилась Ева, взяв женщину за руку.

— Очень приятно! — Артем расправил плечи и опустил голову, на мгновение прижав подбородок к груди. — Подполковник Малахов!

— Татьяна Витальевна, — кивнула женщина и протянула Артему руку, с легким, можно сказать ироничным предостережением глядя на него. Руку целовать совсем не обязательно, она женщина простая, к политесам не приучена. А ведь именно это она и хотела сказать, во всяком случае Артем так ее понял. Руку он целовать не стал, но пожал ее мягко, бережно.

— Чай, кофе? — спросила Татьяна Витальевна.

Она смотрела на Артем оценивающе, но взглядом не сверлила, изъяны не выискивала. Она смотрела на него как обычная мать на парня, с которым строила отношения ее дочь, не вдаваясь при этом в странности этих отношений. Малахов отсутствовал больше недели, возможно, он бросил Еву, но Татьяна Витальевна, казалось, не хотела ничего этого знать. И осуждать Артема тоже не желала.

Она предоставляла право им самим во всем разобратся.

— Если можно, чай.

Татьяна Витальевна кивнула и вроде как направилась к стойке бара, но тотчас снова повернулась к нему лицом, глянув при этом на Еву.

— Может, вам лучше наверх? — спросила она, обращаясь и к ней, и к нему одновременно.

— Ну-у! — замялась Ева.

— Вы тут сами, а я пойду, поздно уже... Лика, ты меня проводишь? — Татьяна Витальевна спрашивала вежливо, но явно без опасений услышать отказ.

Лика помогла женщине одеться. На прощание Татьяна Витальевна глянула на Артема и тепло, и с предостережением. Не хотела бы она, чтобы он бросил Еву. Может, и не хотела она ничего знать, но ей было известно многое.

Ева зашла в лифт вместе с матерью, проводила ее до парадной и вернулась к Артему.

— А чай чего не заварил?.. — с мягким, нежным укором спросила она. — Чувствуй себя как дома!

— Не получается.

— Я еще раз говорю тебе... — начала Ева, но, глянув на Артема, остановилась. Не переубедить его, не уговорить, и она это понимала. — Как тебе моя мама? — вздохнув, спросила она.

— Хорошая мама.

Артем не лукавил, Татьяна Витальевна произвела на него приятное впечатление. Хотя и угадывался под спокойствием ее мудрого взгляда непростой характер.

— Ты ей нравишься, — сказала Ева, наблюдая за ним.

— Это она вам сейчас сказала?

— Вам?! Мы что, на «вы»? — нахмурилась Лазарева.

— Где твой кулон? — пожав плечами, спросил Артем.

— Мой кулон?! — Ева провела рукой по лацкану блейзера.

— Да, твой кулон. С рубином.

— Не нужен здесь кулон. — Ева просунула руку под лацкан, сдвигая его.

— Ну и сняла бы его спокойно. Зачем с цепочкой срывать?.. Или это в порыве страсти? — презрительно усмехнулся Малахов.

— Я тебя не понимаю! — Ева встревоженно смотрела на Артема.

— Как и когда ты оказалась в доме Трутова?

— Трутова?! — сошла с лица Ева.

— Трутов Юрий Константинович. Вы его знаете?

— Ну вот, снова на «вы»?.. Что случилось? Почему ты говоришь со мной в таком тоне?

— Ну, если переспать с Трутовым для тебя ничего такого...

— Переспать с Трутовым — это со мной на «ты»! А ты со мной на «вы»!.. Что случилось?

— Убили Трутова.

— Как убили?! — искренне удивилась Ева.

Артем внимательно смотрел на нее. Похоже, Лазарева действительно ничего не знала о гибели своего любовника.

— На месте преступления обнаружен ваш кулон.
— Ну, пожалуйста, не надо на «вы»! — чуть ли не взмолилась Ева. — Ну хочешь, убей меня! Только на «вы» не надо!

— За что убить?

— За то, что я у него была. Но я с ним не спала!

— Что помешало? — усмехнулся Артем.

Возможно, убийцы появились уже под занавес. Произошло почти все. Но не все! Ведь «почти» не считается. Потому как бы ничего и не было... А может, преступники пристукнули Трутова в тот момент, когда он еще только срывал кулон с Евы. Вместе с бюстгальтером. Трутова сорвали с Евы, избили до смерти, но ее не тронули. Потому что узнали в ней саму Лазареву. А может, они заранее знали, с кем будут иметь дело...

Рассматривал Артем и другой вариант. Возможно, Трутов обидел Еву, и она пришла к нему разбираться. В сопровождении «горилл» кого-то из своих братьев. Трутов набросился на нее, сорвал кулон, за это его и забили до смерти, хотя собирались всего лишь что-нибудь сломать. Или отрезать. Но зачем Еве куда-то ехать, если Трутова могли похитить и бросить к ее ногам?..

— А вот подумала о тебе, и помешало! — вскинув голову, но упавшим голосом сказала Ева.

— Когда ты обо мне подумала?

— Когда подумала?.. Да я постоянно о тебе думаю! А тебя все нет и нет.

— А Трутов?

— А Трутов есть!.. Или нет? Его что, правда убили?

— Ты была сегодня у него дома?

— Да, была назло тебе! Он в торговый центр к нам заехал, я случайно его увидела. Ну, поговорили, он предложил, а я не отказалась! Назло тебе!..

— Ты поехала к нему домой?

— Назло тебе!

— На чьей машине?

— На его. Я подумала, что мне лучше не светиться, он заехал в подземный гараж, я к нему спустилась.

— На его машине поехали из одного гаража в другой?

— В общем, да, он меня сразу в гараж привез, ну там, у него дома.

— Дальше что?

— А что дальше?.. Он предложил выпить, бар у него в доме нормальный. Обстановка ненормальная. Жена в командировке, а я как дура на птичьих правах... А когда он меня прижал, я еще и о тебе подумала. Правда подумала!..

— Хорошо бы без лирики! — поморщился Артем.

— Так без лирики! Не было никакой лирики! Я его оттолкнула, сказала, что не хочу. И он отвез меня домой.

— И все?

— А ты бы хотел красочного описания постельной сцены? — усмехнулась Ева, с обидой глянув на Артема.

— Никто на вас не нападал?

— А кто должен был напасть? Тот, кто убил Трутова? Ты мне расскажи! Я так не могу, если не знаю!

— И я не знаю, кто убил Трутова. Но кто-то убил. Кто-то напал. И кулон твой нашли.

— Ну, кулон... Кулон хороший, а цепочка... Замок на ней был сломан, за волосы зацепился, еле отодрала. Сломаться мог... Ну а когда Трутов зацепился... Не было ничего, и не надо на меня так смотреть!

— Я смотрю не на тебя, я смотрю в прошлое. Когда вы с Трутовым приехали к нему домой, в какое время?

— В районе восьми часов.

— А уехали когда? — продолжал Малахов.

Хронометраж событий можно проследить по телефону Евы, полностью отследив ее маршрут. И делать это придется, но чуть позже. И телефон покойного тоже отработают, разложат временные показатели по полочкам.

— Да почти сразу и уехали.

— Куда?

— Откуда забрал, туда и привез. И обратно уехал.

— Домой?

— И Трутов домой, и я домой.

— Даже не переоделась, — заметил Артем.

Ну, Ева вернулась домой в районе девяти, а на часах уже половина двенадцатого. Сколько времени прошло, а она даже не переоделась. Полночь скоро, давно уже пора в теплой постели в пижаме лежать, а она все костюм свой выгуливает.

— А чего мне переодеваться? Нераздеванной... Да и мама пришла, мы тут с ней как засели... — Ева указала на стол, за которым она сидела с мамой.

— Здесь?

— Ну, я, конечно, наверх ей предложила, а она здесь. Нравится ей эта моя придумка. Мама когда-то в буфете работала, при кинотеатре, правда, давно это было.

— А Лика где находилась?

— Здесь где-то... Да она отсюда не уходила. Я ее с собой не брала.

— Значит, с мамой чаевничала?

— Ну да, о своем, о женском...

— О Трутове с ней говорили?

— Да кулон этот... Я ей во всем призналась. Влюбилась, говорю. В тебя в смысле... А он такой-сякой. Ну, ты!.. А в Трутова я влюблена когда-то была.

Артем выразительно промолчал. В кого только Ева не была влюблена!

— Нет, серьезно. А он со своей этой Альбиной! Я к нему, он от меня. А сегодня вдруг разыгрался, ну, и меня повело. Я маме все рассказала. Покаялась... в том, что я такая непутевая... Так, погоди, а ты меня в чем-то подозреваешь?

— Земский после связи с тобой застрелился, Хохлатов после встречи с тобой отравился алкоголем, Козоева приговорили к смерти, сама знаешь, после чего...

— Ну, с Хохлатовым у меня точно ничего не было. И с Козоевым тоже! — торопливо проговорила Ева.

— Теперь вот Трутов! — подвел черту Артем.

Преступники могли забраться к Трутову в дом, когда он привез Еву домой. А могли сделать это и после того, как он вернулся без нее. Он же ставил машину в гараж. И это могли быть люди, которых снарядил кто-то из братьев Лазаревых. Может, Ева действительно отказалась от своих первоначальных планов, Трутова это обидело, он поднял на Еву руку, она пожаловалась брату. Могла позвонить Виталию Лазареву, с его частным охранным предприятием «Стриж». Или Георгию Лазареву, комбинат которого охраняла фирма «Стена», откуда, кстати сказать, вышел Антон Горбин. Предполагаемого киллера больше нет, но незаменимых людей, как говорится, не бывает.

— Ты меня подозреваешь!

— Я всего лишь хочу знать, как было дело. Ты приехала к Трутову домой, что дальше?

— А не пошел бы ты! — вдруг психанула Ева.

Артем кивнул. Он, конечно, пойдет. Закончит допрос и уйдет. Даже телефон у Евы не заберет. Номер он знает, тот же Павлов и геолокацию проведет, и все исходящие звонки пробьет, кому, когда звонила Ева... Малахов задумался. А может, не надо Павлова привлекать? Зачем светить Еву?.. Но в то же время и не светить ее нельзя. Если она под подозрением. Может, все-таки самому заняться телефоном? Возможности есть, методика, в общем-то, отработана.

— Насколько я понял, вы знали Трутова давно? — сухо, сугубо официальным тоном уточнил Артем.

— Слушай, ты человек или робот? — спросила Ева и даже потрогала его за руку, слегка ущипнув. Вдруг там у него сплошной металл.

— Вы знали Трутова до сегодняшней встречи?

— Умеешь ты довести до белого каления.

— Знали?

— Я же сказала, что знала! И даже была немного в него влюблена!

— А он не мог изменить своей жене?

— Да нет, это я не могла изменить! Тебе!.. А он мог изменить своей Альбине!

— Сегодня?

— Я уже закипаю, — сомкнув зубы, сказала Ева. — От своего белого каления. Скажи, почему это меня возбуждает?

— Может, вы напомнили Трутову о своих прежних отношениях? Может, вы как-то его разозлили? — спросил Малахов.

— Да нет, это я тебя злю! — Ева взяла его под локоть, грудью прижимаясь к плечу.

Как будто насос к его системе кровоснабжения подключился и заработал, в жилах забурлило, голова приятно закружилась. Но Артем взял себя в руки. Отталкиваться, отстраняться не стал, просто попробовал погрузиться в анабиоз, в котором ничего не чувствуешь, не соображаешь.

— Почему он сорвал с вас кулон?

— В порыве страсти!.. А теперь спроси то же самое, но на «ты»!

— Почему он сорвал с тебя кулон?

— Раздеть меня пытался, я его толкнула, он упал, кресло перевернул.

— Это его разозлило?

— Шлюхой меня обозвал! А я не шлюха! Просто без царя в голове... С Козоевым этим! Он же красавчик, если честно! И я молодая, незамужняя... А потом думаю: ну куда тебя несет, дура!..

— Трутов тебя бил?

— Ну нет!.. Он же знает!..

— Что знает?

— Виталика знает, брата моего! Виталик его в порошок может стереть!

— Виталику не звонила?

— Нет. Зачем?

— Твой телефон уже вскрыли, там все звонки.

— Я маме звонила.

— Когда?

— Ну, когда...

— Вся история звонков с твоего телефона у нас, — напомнил Малахов.

— Юра... Трутов куда-то ушел, сказал, домой сейчас отвезет, а я маме позвонила.

— Пожаловалась?

— Кому, маме? Ты что, на маму думаешь? — Ева с силой оттолкнулась от Малахова.

— Я не думаю, я спрашиваю, — качнул головой Артем.

— Трутов меня обидел, я позвонила маме, и она отправила к нему убийц? Ты это серьезно? — Ева смотрела на него как на ненормального.

— Может, и несерьезно. Но Трутов убит, — сказал Артем.

Но Ева его как будто не слышала.

— А если я на тебя маме пожалуюсь? Скажу, что ты меня обижаешь!

— Я тебя обижаю, — кивнул Артем.

А ведь это действительно так. Неважно, заслужила Ева небрежного к себе отношения или нет, но говорил он с ней жестко, даже грубо. Это не могло не обижать ее, особу, привыкшую к тому, что мир крутится вокруг нее.

— Еще как обижаешь!

Ева обвила руками его шею и, приподнявшись на носочках, посмотрела ему в глаза, желая заглянуть в его душу.

— И я знаю, кому на это пожаловаться!

— Жалуйся.

— Я пожалуюсь тебе... Ты же должен меня защищать?

— Как представитель закона.

— Хотя бы так.

— На общих основаниях.

— Не хочу на общих основаниях! — Ева капризно наморщила носик.

— Что ты хочешь, чтобы я с собой сделал?

— Зачем тебе что-то с собой делать? — не поняла Ева.

— Ну как же, ты жалуешься мне. На меня. Я же должен принять меры.

Артем думал о Земском. Вряд ли Ева жаловалась на него ему же самому, но полковник с собой

что-то сделал. Застрелился. Может, и Ева сейчас думает о том же?

— Какие меры? — Ева с подозрением смотрела на него.

— Ну, мало ли...

— Я знаю, о чем ты думаешь... — Она ткнула в него пальцем. — И вот что я хочу тебе сказать!.. Ты больной, если думаешь, что я виновна в смерти Земского!.. И Козоева я не заказывала!.. И на Трутова никому не жаловалась. Просто так за себя стало обидно. И к маме на ручки захотелось!.. Тебе смешно?

Артем качнул головой, глядя на Еву. Ей уже тридцать два, возраст, в котором женщине как минимум неприлично быть одной. А у нее ни мужа, ни детей, только братья, у которых своя жизнь, свои семьи. Еве ведь тоже хочется домашнего тепла и семейной ласки, а нет ничего такого, вот и бросает ее из крайности в крайность. А остановить некому, приходился самой жать на тормоза. Замуж ей пора, одним словом. Как ее не понять?

— А мне смешно!.. Только я совсем не смеюсь!..

— И не надо, — покачал головой Артем.

Человек погиб, Трутова нет. И, возможно, Ева все-таки виновна в его смерти — и она, и ее семья. Та же мама могла спросить за дочь, пользуясь возможностями своих сыновей. Способна она на такое или нет, сказать сложно, скорее всего вряд ли. Но как ни крути, а Ева звонила своей маме после того, как Трутов ее обидел... И Земский обижал Еву. И Козоев...

- Плохо мне, понимаешь, плохо!
- Понимаю.
- Мне без тебя плохо!
- Не знаю.
- Тогда пошел вон!

Артем кивнул. Ева могла говорить все, что угодно. Она сейчас в очень сложном положении, а полностью оправдаться возможности нет. Она это понимает, оттого и злится, не надо воспринимать ее слова всерьез. Тем более что нет у него желания остаться с ней.

- И больше не приходи! — бросила она вслед.

Артем качнул головой, нажимая на кнопку вызова лифта. Увы, оставить Еву в покое он не может. Подозреваемая она, и ей придется давать показания. И у него еще возникнут вопросы, и следователь захочет с ней поговорить.

Он зашел в кабинку лифта, Ева исчезла из вида, но до слуха донесся ее голос:

- Не бойся, маме на тебя жаловаться не буду!

Скорее всего, это был сарказм. Ну не могла Татьяна Витальевна устроить расправу над Трутовым, не тот она человек. Да и Ева, возможно, ни в чем не виновата. Возможно, Горбин и не убивал Земского. Да и над Козоевым он всего лишь замыслил расправу, может, он всего лишь хотел его покалечить. А Трутова мог убить Борщевик, его люди. По линии профсоюза, так сказать. Может, зря Артем подозревал Еву. И ее семью? Но в то же время Ева звонила матери, жаловалась ей. Это факт. И не поехала она к ней домой, к себе вер-

нулась. Татьяна сама приехала к дочери, Артем застал их вместе. Как будто на месте преступления.

Глава 3

Кто бы там что ни говорил, а пирожки у Любы очень даже. Вкуснее только у Марины. И торты у нее самые-самые, и пирожные, не зря она заведует отделом кулинарии. И сама как сдобная булочка. Хватило шести лет в браке, чтобы она из сахарной тростиночки превратилась в розовошекую пышку. А Егор Стасов, сколько помнил себя, терпеть не мог женщин в теле. С Мариной, правда, немного иначе. Она хоть и пышная, но не рыхлая — плотная, упругая, и не так уж и плохо с ней в постели. Пока его все устраивает. И жену он любит, и сыном дорожит, семья у него на первом месте. Только вот почему-то не удержала Марина его от безрассудного, в общем-то, решения. Бросил все и уехал к черту на кулички. Может, погорячился.

— Приехали! — донеслось сквозь дрему.

Егор уже почти заснул, когда Макс остановил машину. На улице дождик моросит, дворники по окошку скребут, убаюкивают. Да и время уже за полночь. Баю-бай уже давно пора, а они носятся по городу как неприкаянные. Нет, он не против, работа у него такая, волка ноги кормят. Молодой он, двадцать восемь лет, еще бегать и бегать, он готов к беготне. Но уже не за горами время подводить первые итоги прожитой жизни. В тридцать лет

Егор спросит себя, чего он добился за годы службы. Старший оперуполномоченный? Ну что ж, неплохо, бывает и хуже. Но хотелось бы большего, уголовный розыск возглавить, а ведь он мог бы уже рулить в этой должности, если бы не сорвался с места вслед за Малаховым. Здесь тоже могло подфартить, но закон подлости сыграл против него — в пользу Макса. Обидно. Но работать надо. Только вот из машины выходить не хочется. И поздно уже, и дождь идет.

У Макса зазвонил телефон, он ловко нацепил на ухо гарнитуру, ответил.

— Да, товарищ подполковник!.. Да вот, к фосфорному комбинату подъехали... — как-то не очень весело отчитывался Макс.

Убийцы проникли в дом тайком, через гаражные ворота. Если тайком, значит, действовали посторонние для потерпевшего люди, но тем не менее для успокоения совести решили проверить версию о причастности к убийству Трутова его коллег по работе. Соседей опросили, никто ничего не видел, отправились на комбинат фосфорных удобрений, узнать, когда и с кем потерпевший покинул территорию производства. Заскочили по пути домой, прихватили пирожков, Егор жевал, жевал, а все равно сон сморил.

— Да понятно, что вряд ли это с работы, но раз уже приехали... — говорил Макс. — Какую новость?.. Две?.. Ну да, меня начальником... А Стасову?.. Ну, нормально!.. — Голос у Макса и дрогнул и вместе с тем повеселел. — Скажу, конечно!..

Макс сбросил вызова и хмыкнул, комментируя ситуацию. Он не торопился выходить из машины, да и Егору не хотелось двигаться.

— Что там такое?

— Да, похоже, там правда Ева была... Эта, Лазарева.

— Где там?

— У Трутова. Малахов это понял, из головы совсем выскочило.

— Что выскочило?

— А то, что тебе майора присвоили.

— Мне?! — взбодрился Егор.

— А на меня пока не подписали...

— Подпишут!

— Одним приказом должны были... Ну да ладно, мне начальника, тебе майора... Поздравляю!

Макс пожал руку три раза, первый — за Малахова, второй — за всех, третий — за себя. Но звезды на погоны вешать рано. Во-первых, некуда: мундир в шкафу, а во-вторых, сначала проставиться нужно, обмыть, без этого никак.

Из машины Егор выходил в приподнятом настроении. И в более высоком статусе. Макс, конечно, еще тот фрукт, он мог и разыграть. Но есть вещи, с которыми не шутят, и Макс знал их наперечет. К тому же скорое повышение в звании им обещал сам генерал Соболев.

Завод охранялся по всем правилам, на проходной вооруженный чоповец, но он помочь им ничем не мог. Пришлось поднимать вахтера, седовласого мужчину с тяжелыми обвисшими щеками. Как буд-